Глава 476: Буря поступающих студентов (Часть V)

Бе Тяньсинь продолжал сужать глаза, его взгляд становился все более острым. Он не мог представить, что его оппонент, даже зная о его происхождении, будет действовать настолько нахально.

Он изначально прибыл в столицу, чтобы позаботиться о кое-каких делах, но он неожиданно обнаружил, что один из его старейшин столкнулся с какими-то проблемами. К тому же, он много раз в прошлом году слышал имена Ортодоксальной Академии и Чэнь Чаншэна. Он рассматривал их с презрением и, естественно, не был убежден, так что явился лично. Гуань Бай дал Чэнь Чаншэну один год времени, но у него не было подобного терпения. Что касается того факта, что сильный обижал слабых, его это тоже не беспокоило. Должно быть известно, что он жил всю жизнь, носимый ветрами и течениями. Его талант был выдающимся, его происхождение было удивительным, и где бы он не ходил, он получал всеобщее почтение. Когда его путешествие принесло его в город Сюньян, даже Лян Вансунь обращался с ним с наибольшим уважением. Хотя у Окрашенной Брони Сяо Чжана, того безумца, не было к нему любви, его семья поспособствовала предотвращению проблем. Он никогда не мог представить, что из всех дней в сегодня он встретит этого противника, который превосходил здравый смысл.

«Я знаю, что ты должен быть очень зол прямо сейчас, но... ты лишь можешь терпеть это. Что ты можешь поделать? Может быть, ты можешь убить нас? Я просто не понимаю, по какой причине ты достоин вести себя так высоко и сильно перед нами? Сколько лет Чжэсю? А сколько лет тебе? Сколько лет тебе было несколько лет назад? С чего вдруг ты так доволен, что победил его? Подумай о том, когда ты был в его возрасте; смог бы ты победить хоть одного из нас?»

Первая часть этих слов была в точности тем, что Бе Тяньсинь сказал им несколько мгновений назад. Танг Тридцать Шесть теперь возвращал его слова.

«Штормы Восьми Направлений настолько высокомерны? В других местах, возможно, ты смог бы полагаться на них, чтобы раздавать всем вокруг приказы, но я хочу побеспокоить тебя открыть немного свои глаза и взглянуть на то, где ты находишься».

Он указал на врата Ортодоксальной Академии, все еще новые несмотря на то, что их поставили год назад, и ухмыльнулся: «Здесь Ортодоксальная Академия, здесь клан Вэньшуй Танг, здесь Су Ли, здесь Ортодоксия, здесь три Святых! Я никогда особо не был тем, кто упоминает такие вещи, как происхождение и поддержку, потому что считаю, что это слишком по-детски, слишком бесстыже. Но всегда находятся люди типа тебя, которые просто любят упоминать подобные вещи. Проблема заключается в том, что если мы поднимем этот вопрос, будет ли у тебя хотя бы шанс победить нас в этом аспекте?»

Лицо Бе Тяньсиня стало мертвенно бледным при этих словах, потому что лишь сейчас он вдруг осознал, что все сказанное Тангом Тридцать Шесть было правдой. Когда его старейшина хотел давить на Ортодоксальную Академию, они делали это шаг за шагом, продвигаясь осторожно и предусмотрительно. Он... как казалось, действовал слишком импульсивно.

Но, в конце концов, он все же был членом Провозглашения Освобождения, все еще был наследником двух из Восьми Штормов. Слово Танга Тридцать Шесть оставило его без грациозного пути отступления, но как он мог просто так уйти!

Его лицо было бледным, как потому, что он понимал, а также потому, что знал, что был вынужден предпринять меры, или репутация его семьи и его самого вскоре понесет тяжелый

удар!

В какой-то миг его правая рука сжала рукоять его меча.

Чэнь Чаншэн стоял перед Тангом Тридцать Шесть, его правая рука почти касалась Безупречного Меча. Он смотрел в глаза Бе Тяньсиня, невероятно спокойно и сосредоточенно, без малейшего намерения отступать.

Сюаньюань По уже закончил свои приготовления к битве. Когда он увидел невероятно жестокое выражение в глазах Бе Тяньсиня, его обычно простое и искреннее чувство было заменено яростной аурой, которая предвещала превращение.

Все они знали, что, если Бе Тяньсинь станет атаковать, он будет сильнейшей личностью, с которой Ортодоксальная Академия столкнется после открытия Боевой Демонстрации Всех Школ.

Более того, если Бе Тяньсинь действительно нападет с убийственным намерением, никто не сможет предвидеть, как завершится эта ситуация.

Мертвенная неподвижность нависла над областью перед Ортодоксальной Академией. Толпа давным-давно расступилась, и атмосфера стала особенно напряженной.

Танг Тридцать Шесть, наоборот, вовсе не нервничал. Выглядывая из-за спины Чэнь Чаншэна, он сказал Бе Тяньсиню: «Обдумай это хорошенько, если ты наугад начнешь действовать, каковы будут последствия».

Затем он повернулся к священникам Дворца Ли и кавалерии Ортодоксии и закричал: «Что же вы стоите, не шевелитесь? Не видите, что вашего будущего Попа вскоре убьют перед вашими глазами?!»

Эти слова, естественно, были выкрикнуты, чтобы Бе Тяньсинь услышал.

У стола в чайном домике те два индивида все еще продолжали сидеть.

«Эх, действительно по-ребячески», - Мао Цюю посмотрел на удаленную активность, происходящую перед Ортодоксальной Академией, но оставался вопрос, говорил ли он о Танге Тридцать Шесть или о Бе Тяньсине.

Он очень хорошо понимал, что у родителей Бе Тяньсиня были невероятно хорошие связи с Даосистом Сыюанем и Линхай Чживаном, подобно отношениям, которые были у Чжу Ло и Гуань Синкэ с скончавшимся Архиепископом Мэй Лиша. Он также очень хорошо понимал, что хоть Бе Тяньсиня и хвалили обычные люди за умение видеть сердца людей насквозь, он в конечном счете был просто благородным сыном, избалованным своими родителями. Иначе как бы он мог не осознать, прежде, чем он появился в этом месте, что эти юноши Ортодоксальной Академии не были людьми, которых он мог задевать?

«Просто забери его прочь, - сказал Мао Цюю Даосистуу Сыюаню, сидящему напротив себя, - его родители изначально поместили его под твою заботу. Ты не можешь просто так позволить ему влипнуть в неприятности перед тобой».

Выражение лица Даосиста Сыюаня было довольно неприятным, но он хранил молчание. Встав, он вышел из чайного домика.

Мао Цююй вновь повернулся к Ортодоксальной Академии, комментируя: «После стольких многих лет его характер ни капли не изменился. Не удивительно, что он никогда не был ровней Гуань Баю».

Бе Тяньсинь удалился.

Ортодоксальная Академия одержала победу в этой борьбе.

С точки зрения многих, эта борьба была исключительно ребяческой и глупой, более озорной, чем озорство детей. Однако, для тех, кто знал об истинной личности Бе Тяньсиня, эта ребяческая и глупая борьба была признаком многих вещей.

Ортодоксальная Академия вновь доказала столице свои могущественные связи и скрытую силу, и что ее сила была полностью зрелой. Да, даже если убрать в сторону силу Города Белого Императора Принцессы Лоло, с вниманием Попа и отношениями между Чэнь Чаншэном и Су Ли, кроме правильного метода, как Боевая Демонстрация Всех Школ, будет ли кто-то, кто посмеет давить на Ортодоксальную Академию нелегальными способами?

Те студенты, которые прибыли из провинций и графств, не знали личности Бе Тяньсиня в самом начале. Но услышав о ней, они настолько начали восхищаться неуступчивым поведением Танга Тридцать Шесть, что почти хотели ползать на земле перед его ногами. У них также появилась совершенно новое представление Ортодоксальной Академии. Как результат, работа по работе с абитуриентами, которая на некоторое время замедлилась, стала еще более интенсивной. Те молодые студенты, которые отозвали свое поступление, попытались воспользоваться преимуществом мгновений невнимательности, чтобы переподать документы, но как они могли скрыться от глаз Танга Тридцать Шесть? Он прогнал их прочь без малейшей учтивости.

Чэнь Чаншэн прокомментировал: «Слишком строго».

Танг Тридцать Шесть ответил: «Я никогда не был тем, кто втирает песок себе в глаза. Я даже не желаю терпеть Бе Тяньсиня, так почему я должен терпеть тех парней?»

Чэнь Чаншэну было очень интересно узнать кое-что о своем друге, так что он поинтересовался: «Ты был таким с самого детства?»

Танг Тридцать Шесть ответил как ни в чем не бывало: «Если бы единственное, что было за моей спиной, это клан Вэньшуй Танг, и я должен был стоять лицом к лицу перед этими двумя Штормами, я, естественно, задумался бы. Я, возможно, даже был бы первым, кто сдался, но ведь сейчас у меня есть ты».

Чэнь Чаншэн был лишен дара речи этим ‘как ни в чем не бывало’-ответом. Спустя долгий период молчания, он сказал: «Как я и сказал ранее, грубость и ругань - это плохо. Ты должен сдерживаться немного».

Танг Тридцать Шесть выгнул брови: «Что плохого в этом? Разве не хорошо быть прямолинейным?»

Чэнь Чаншэн ответил: «Когда ты злишься, это вредит печени, и к тому же, для детей нехорошо слышать такую ругань. Довольно много людей уже подошло жаловаться».

http://tl.rulate.ru/book/1222/128001